

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Устойчивое развитие регионов

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Роман Михайлович МЕЛЬНИКОВ

доктор экономических наук,
профессор кафедры государственного регулирования экономики,
Институт государственной службы и управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(ИГСУ РАНХиГС),
Москва, Российская Федерация
rmmel@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6335-2458>
SPIN-код: 3472-1666

История статьи:

Рег. № 552/2021
Получена 11.10.2021
Получена в
доработанном виде
22.12.2021
Одобрена 27.01.2022
Доступна онлайн
15.03.2022

УДК 332.143

JEL: I31, Q01, R11

Ключевые слова:

субъективное
благополучие,
устойчивое развитие,
региональное
развитие,
удовлетворенность
жизнью, социальное
неравенство

Аннотация

Предмет. Взаимосвязи между субъективным благосостоянием и определяющими его уровень экономическими, социальными и экологическими факторами.

Цели. Оценка удовлетворенности качеством жизни в регионах России.

Методология. Регрессионный анализ панельных данных по регионам России с использованием моделей с фиксированными и случайными эффектами.

Результаты. Наибольшее влияние на уровень удовлетворенности жизнью жителей российских регионов оказывают социальные факторы. Рост среднедушевых денежных доходов и экологические факторы не оказывают статистически значимого влияния на удовлетворенность жизнью.

Выводы. Решение наиболее острых социальных проблем, преодоление бедности и сокращение неравенства, создание «социальных лифтов» позволит смягчить сформировавшиеся ограничения экономического роста и создать предпосылки для улучшения экологической ситуации.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Мельников Р.М. Влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью в российских регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 424 – 450.
<https://doi.org/10.24891/re.20.3.424>

В настоящее время во всем мире большое внимание уделяется вопросам устойчивого развития. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята «Повестка дня на XXI

век»¹ – стратегический документ, направленный на переход человечества к устойчивому развитию, предусматривающему удовлетворение потребностей текущего поколения с сохранением таких же возможностей для будущих поколений [1, 2]. Принятая ООН в 2015 г. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. включает 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития², направленных на победу над бедностью, обеспечение реализации интересов различных социальных групп, охрану окружающей среды [3].

Особое внимание сегодня уделяется поиску подходов к решению глобальных экологических проблем, связанных с изменением климата и его негативными последствиями и предполагающих формирование системы регулирования, стимулирующей сокращение выбросов углекислого газа в атмосферу. В частности, в конце 2019 г. Европейский союз (ЕС) принял программу «Зеленый курс ЕС»³, а затем утвердил такие глобальные цели, как снижение выбросов углерода на 60% от уровня 1990 г. к 2030 г. и достижение климатической нейтральности к 2050 г. В рамках реализации этого курса с 2023 г. ЕС планирует ввести углеродный налог на импортную продукцию, при производстве которой осуществляются большие выбросы парниковых газов. Углеродный налог может затронуть около 40% российского экспорта [4].

В Российской Федерации также принят национальный перечень показателей достижения целей устойчивого развития⁴. Они находят отражение и в Указах Президента Российской Федерации, определяющих национальные цели развития России⁵.

В то же время не вполне ясно, способствует ли политика в области достижения целей устойчивого развития повышению удовлетворенности жизнью российских граждан или нет, а также улучшение каких экономических, социальных и экологических индикаторов в российских условиях в наибольшей степени приводит к повышению их благополучия. Поскольку устойчивое развитие в значительной мере мотивировано

¹ Повестка дня на XXI век.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf

³ A European Green Deal.

URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en

⁴ Национальный набор целевых показателей ЦУР. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

стремлением к учету интересов будущих поколений, важно понимать, не наносит ли это ущерба благополучию текущего поколения.

Целью статьи является оценка влияния экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью российских граждан, позволяющая охарактеризовать особенности социально-экономического развития страны и перспективы достижения целей устойчивого развития с учетом их влияния на субъективно воспринимаемое благополучие российских граждан.

В течение длительного периода времени субъективное благополучие исследовалось только психологами и социологами, однако после 2000 г. количество публикаций по проблемам субъективного благополучия в экономических журналах резко выросло [5]. В докладе Комиссии по измерению экономического развития и социального прогресса, подготовленном Дж. Стиглицем, А. Сеном и Ж.-П. Фитусси, была сформулирована рекомендация по переносу акцента с измерения результатов экономической деятельности на измерение субъективно воспринимаемого благополучия граждан как ключевого индикатора социально-экономического развития⁶. Сегодня данные о субъективном благополучии населения регулярно собираются в различных странах мира, включая Российскую Федерацию (в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики»).

В зарубежной литературе вопрос о влиянии различных экономических, социальных и экологических факторов на субъективное благополучие населения являлся результатом многочисленных исследований, проводимых главным образом на уровнях стран и городов. Для измерения субъективного благополучия в этих исследованиях, как правило, используются два основных индикатора, значения которых формируются по результатам опросов населения – показатели удовлетворенности жизнью и показатели декларируемого уровня счастья согласно самооценке респондентов. Ответы в таких опросах даются по шкале Лайкерта, позиции которой соответствуют различным уровням удовлетворенности.

Шкала Лайкерта является ординальной, то есть расстояния между различными точками на шкале неизвестны, однако эмпирические

⁶ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>

исследования свидетельствуют, что использование предположения о равенстве различий в степени удовлетворенности между последовательными позициями шкалы не влияет на результирующие выводы, что упрощает проведение эмпирического анализа [6–9].

Существуют различные точки зрения о влиянии экономических факторов на субъективное благополучие. Сторонники первой точки зрения [10] исходят из того, что рост реального ВВП расширяет возможности удовлетворения человеческих потребностей и поэтому повышает уровень субъективного благополучия. Согласно другой точке зрения, экономические показатели оказывают лишь ограниченное влияние на субъективное благополучие [11] и, прежде всего, лишь при низком уровне экономического развития.

Отсутствие влияния роста реальных доходов на субъективное благополучие получило название «парадокс Истерлина» [12]. Существует два его основных объяснения, связанных с проявлениями эффектов сравнения и адаптации. Эффект сравнения заключается в том, что при оценке своего благополучия индивид сравнивает свои доходы с доходами окружающих, и при росте доходов окружающих субъективное благополучие снижается. Эффект адаптации связан с тем, что повышение реальных доходов способствует повышению субъективного благополучия лишь в краткосрочной перспективе, поскольку в более долгосрочном периоде индивид адаптируется не только к более высокому уровню реальных доходов, но и к тенденции их устойчивого повышения. При этом ситуация усугубляется тем, что экономический рост ведет к загрязнению окружающей среды [13], истощению природных ресурсов [14] и увеличению психологического стресса [15], что оказывает негативное влияние на благополучие населения.

Расчеты Б. Фрея и А. Стутзера [16] показали, что субъективное благополучие растет при росте ВВП до примерно 5 тыс. долл. США на душу населения, после чего дальнейший рост ВВП на субъективное благополучие не влияет. Согласно оценкам Р. Лайарда, Г. Майраза и С. Никелла [17], в большинстве развитых стран увеличение реального дохода на 20% приводит к повышению удовлетворенности жизнью только на 2%. В то же время расчеты А. Кларка [18, 19] показали, что в развитых странах удовлетворенность жизнью в течение нескольких десятилетий колеблется примерно на одном и том же уровне, несмотря на рост реальных доходов на душу населения.

В литературе сложился консенсус, что развитие социальных факторов – более справедливое распределение доходов, обеспечение равных

возможностей для всех, защита культурных ценностей – приводит к повышению субъективного благополучия [20, 21]. В то же время в течение трех десятилетий, прошедших после распада Советского Союза, масштабы социально-экономического неравенства существенно увеличились как в развитых, так и в развивающихся странах [22], что оказало неблагоприятное влияние на субъективное благополучие населения с низкими и средними доходами.

Эмпирические исследования показывают, что как в развитых, так и в развивающихся странах состояние окружающей природной среды положительно коррелирует с уровнем удовлетворенности жизнью [23]. При этом влияние природных факторов на субъективное благополучие проявляется как по физическим, так и по психологическим каналам [24, 25]. Продолжительность жизни людей вблизи естественной природной среды выше [26], а ухудшение состояния природной среды приводит к ухудшению состояния здоровья населения и к росту уровня смертности [27, 28]. При этом возможность находиться в естественной природной среде положительно влияет на психологическое состояние⁷ [29, 30].

Между выбросами углекислого газа и субъективными оценками уровня благополучия была выявлена отрицательная корреляция [31, 32]. Однако эта связь может быть обусловлена эффектами дохода, поскольку вместе с реальным доходом на душу населения обычно растут и выбросы углекислого газа, а субъективное благополучие стабилизируется [33].

Авторы работы [34], используя данные по различным странам, выявили положительную корреляцию между уровнем организации рециркуляции отходов и удовлетворенностью жизнью.

В работе [35] выявлена положительная корреляция между четырьмя индексами экологического развития городов США и самооценкой уровня счастья их жителей. Это позволило сделать вывод, что города, уделяющие большее внимание экологическим аспектам своего развития, предоставляют лучшие возможности для своих жителей с точки зрения обеспечения высокого уровня субъективного благополучия.

Большинство исследований, посвященных изучению влияния экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью, выполнено с использованием данных по странам и городам. Влияние

⁷ Gabriel S.A., Matthey J.P., Wascher W.L. Compensating Differentials and Evolution in the Quality-of-Life among U.S. States. *Department of Finance and Business Economics. Working Paper Series*, 2001, no. 01-24. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.288614>

экономических, социальных и экологических факторов на субъективное благополучие на уровне региона на примере Китая изучалось в статье Л. Гу, М. Розенберга и Дж. Зенга [36].

Результаты расчетов показали, что с материальной точки зрения Китай за последние десятилетия добился впечатляющего прогресса, однако чувство удовлетворенности жизнью большинства китайцев (за исключением группы лиц с самыми высокими доходами) существенно не увеличилось. Основную причину этого авторы усматривают в том, что Китаю пришлось понести большие экологические издержки в процессе быстрого развития экономики. Более 80% граждан Китая дышат воздухом, загрязнение которого превышает безопасный уровень; 60% запасов подземной воды и треть запасов наземной воды непригодны для использования людьми из-за загрязнения, что создает дефицит чистой воды.

Серьезной проблемой в городах стало и шумовое загрязнение. Кроме того, существенно возросла дифференциация общества по доходам, что негативно отразилось на удовлетворенности жизнью в группах населения с низкими и средними доходами.

В настоящей статье исследуется влияние экономических, социальных и экологических факторов на удовлетворенность жизнью жителей российских регионов. Данные об удовлетворенности жизнью взяты из Российского мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). В переменной j_{65} базы данных по индивидам за 1994–2019 гг. приводятся ответы респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время»? Респонденты могли выбрать варианты ответа «полностью удовлетворен», «скорее удовлетворен», «и да, и нет», «не очень удовлетворен», «совсем не удовлетворен», а также отказаться от ответа.

На основе значений этой переменной мы построили два сводных индикатора по Российской Федерации в целом и 32 регионам, жители которых представлены в выборке РМЭЗ. Первый индикатор (sat_1) рассчитывался как среднее значение переменной, равной 1 при выборе варианта ответа «совсем не удовлетворен», 2 – «не очень удовлетворен», 3 – «и да, и нет», 4 – «скорее удовлетворен» и 5 – «полностью удовлетворен». Второй индикатор (sat_2) рассчитывался как доля респондентов, как минимум, скорее удовлетворенных жизнью.

Значения этих индикаторов в целом по стране (табл. 1) очень тесно коррелируют друг с другом и свидетельствуют об устойчивом росте

удовлетворенности жизнью российских граждан в период с 1994 по 2012 г. (за исключением кризисного 1998 г.) и последующей стабилизации уровня удовлетворенности жизнью в период с 2012 по 2018 г. Устойчивый рост агрегированной удовлетворенности жизнью в 1994–2012 г. может быть объяснен возвратом к долгосрочному среднему уровню после существенного падения субъективного благосостояния в результате «шоковой терапии» начала 1990-х гг. [37].

Расчеты сводных показателей в разрезе регионов свидетельствуют, что наибольший уровень удовлетворенности жизнью наблюдается в таких разнородных регионах, как Кабардино-Балкарская Республика, Пензенская и Новосибирская области, Республика Татарстан и Смоленская область, а наименьший уровень удовлетворенности жизнью – в таких регионах, как Ленинградская, Волгоградская, Амурская, Тульская и Ростовская области. Можно утверждать, что четкой взаимосвязи между уровнем экономического развития региона и удовлетворенностью жизнью его населения не просматривается, и помимо экономических на уровень удовлетворенности жизнью должны влиять социальные и/или экологические факторы.

При этом коэффициенты межрегиональной вариации показателей удовлетворенности жизнью за исследуемый период снизились, особенно для показателя sat_2 , характеризующего долю респондентов, как минимум, скорее удовлетворенных жизнью. Можно предположить, что по крайней мере отчасти это обусловлено увеличением масштабов распределения природной ренты между жителями различных российских регионов.

Для изучения влияния экономических, социальных и экологических факторов на уровень удовлетворенности жизнью российских граждан были использованы следующие объясняющие переменные:

- уровень реального (дефлированного по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг) валового регионального продукта (ВРП) на душу населения;
- уровень реальных среднедушевых денежных доходов на душу населения;
- уровень безработицы;
- индекс Джини;
- доля населения, живущего за национальной чертой бедности;
- доля занятых с высшим образованием;

- санитарное состояние атмосферного воздуха (доля проб, не соответствующих гигиеническим нормативам в городских поселениях);
- санитарное состояние питьевого водоснабжения (доля проб, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям);
- выбросы загрязняющих веществ в атмосферу на 1 тыс. чел. населения;
- сброс сточных вод на 1 тыс. чел. населения;
- доля зеленых насаждений в площади городской черты в общей площади городских земель в пределах городской черты.

В качестве источников данных использовались Национальный набор показателей целей устойчивого развития, статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации»⁸ и статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁹.

Оцениваемая модель имела следующий вид:

$$sat_{kjt} = \sum_i b_i f_{ijt} + \mu_j + \tau_t + \varepsilon_{jt} , \quad (1)$$

где sat_{kjt} – значение показателя удовлетворенности жизнью k в регионе j в году t , f_{ijt} – значение экономического, социального или экологического фактора удовлетворенности жизнью i в регионе j в году t , μ_j – индивидуальный эффект региона j , τ_t – временной эффект, ε_{jt} – случайная составляющая.

Результаты оценки модели (1) представлены в табл. 2. Расчеты показывают, что наибольшее влияние на уровень удовлетворенности жизнью жителей российских регионов оказывают социальные факторы – уровень безработицы, масштабы неравенства, измеренные с помощью индекса Джини, и доля населения, живущего за национальной чертой бедности. Улучшение значений этих параметров способствует значительному росту удовлетворенности жизнью. В то же время рост среднедушевых денежных доходов положительного влияния на уровень удовлетворенности жизнью не оказывает, что согласуется с ранее полученными оценками А.В. Ларина

⁸ Статистический ежегодник «Цели устойчивого развития в Российской Федерации».
URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report>

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

и С.В. Филясова на микроданных [37] и подтверждает существование парадокса Истерлина [12].

Более того, согласно оценкам модели с фиксированными эффектами, более обоснованной исходя из результатов теста Хаусмана, повышение реального ВРП сопровождается некоторым снижением удовлетворенности жизнью, что может быть связано с ростом стресса при повышенной трудовой нагрузке. Экологические факторы также не оказывают значимого влияния на показатели удовлетворенности жизнью, как и рост среднедушевых денежных доходов.

Определяющий характер влияния социальных факторов на удовлетворенность жизнью российских граждан может объясняться тем, что Россия входит в группу стран с наиболее масштабным неравенством по доходам и богатству и при этом характеризуется невысокими среднедушевыми показателями дохода и богатства [38]. По величине индекса Джини по доходам Россия входит в группу государств с наивысшим экономическим неравенством вместе с Аргентиной, Турцией и Китаем. При этом ВВП по паритету покупательной способности на душу населения в государствах этой группы меньше по сравнению с государствами, в которых индекс Джини по доходам существенно ниже – с Германией, Италией, Великобританией, Канадой. Российский индекс Джини по доходам сопоставим с уровнем США, однако ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в нашей стране в 2,5 раза меньше, чем в США, то есть в России при сходном характере распределения совокупных доходов в малоимущие слои направляется значительно меньший их объем [39].

Недостаточно высокий уровень реальных доходов российских граждан определяет формирование спроса со стороны населения прежде всего на социальные, но не экологические проекты и программы. Относительно низкие доходы не формируют заинтересованности в дополнительных затратах на защиту окружающей среды, но порождают спрос на дополнительные социальные гарантии.

В этом плане ситуация в России существенно отличается от наблюдающейся в странах Западной Европы, США и Китае. Недостаточное восприятие населением остроты экологических проблем на фоне доминирования проблем социального характера затрудняет достижение целей устойчивого развития и формирование «зеленой экономики». Наиболее эффективным механизмом повышения удовлетворенности жизнью жителей российских регионов выступает совершенствование

системы государственной поддержки социально незащищенных групп населения, прежде всего в части повышения адресности этой поддержки и доведения ограниченных финансовых ресурсов до наиболее нуждающихся. В этом контексте заслуживают поддержки предложения по разработке и реализации национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства [39].

Сильное влияние социальных факторов и слабое влияние экономических факторов на удовлетворенность жизнью жителей российских регионов позволяет также посмотреть на проблему «застоя 2.0»¹⁰ [40], связанную с крайне низкими среднегодовыми темпами прироста реального ВВП России начиная с 2013 г., с нестандартной точки зрения. Российское общество гораздо более ориентировано на социальную стабильность и социальную защиту, чем на экономический рост, и не ориентировано на вовлеченность в процессы «созидательного разрушения», необходимые для экономического развития. Ситуация, когда у населения отсутствует мотивация к экономическому росту, а рост не способствует повышению уровня субъективного благополучия, затрудняет проведение экономических реформ, реализацию стратегии инновационной модернизации и не способствует формированию предпосылок для повышения темпов роста российской экономики хотя бы до уровня среднемировых.

Интересно проследить не только влияние экономических факторов на удовлетворенность жизнью, но и влияние удовлетворенности жизнью на экономическую динамику. Для этого мы оценили уравнение регрессии вида

$$\Delta \ln(y_{j,t}) = \Delta \ln(y_{j,t-1}) + \text{sat}_{kj,t-1} + \mu_j + \tau_t + \varepsilon_{jt} \quad , \quad (2)$$

где $y_{j,t}$ – реальный ВВП на душу населения в регионе j в году t .

Результаты оценки уравнения (2), представленные в *табл. 3*, показывают, что, по оценкам модели с фиксированными эффектами, более обоснованным согласно результатам теста Хаусмана, повышение удовлетворенности жизнью оказывает отрицательное влияние на рост реального ВВП. Возможное объяснение может заключаться в том, что люди с более низким уровнем удовлетворенности жизнью имеют более высокую мотивацию к активной экономической, в том числе предпринимательской, деятельности, что на региональном уровне проявляется в более высоких темпах экономического роста. Напротив, с повышением уровня удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия мотивация к

¹⁰ Застой 2.0: последствия, риски и альтернативы для российской экономики: аналитический доклад. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/2021/04/zastoj-2.pdf>

напряженной экономической деятельности снижается, как и результирующие темпы экономического роста.

Поскольку результаты оценки уравнения (1) показали, что удовлетворенность жизнью существенно зависит от масштабов социального неравенства, имеет смысл проверить, не связан ли этот эффект с тем, что стимулирующее влияние на динамику экономического роста оказывает неравенство по доходам, а не степень неудовлетворенности жизнью. Для этого в правую часть уравнения (2) была добавлена переменная $gini_{j,t-1}$, характеризующая значение индекса Джини в регионе j в периоде $t-1$, что позволило получить спецификацию

$$\Delta \ln(y_{j,t}) = \Delta \ln(y_{j,t-1}) + gini_{j,t-1} + sat_{kj,t-1} + \mu_j + \tau_t + \varepsilon_{jt} . \quad (3)$$

Результаты оценки уравнения (3), представленные в *табл. 4*, показывают, что стимулирующее влияние на динамику экономического роста оказывает именно пониженный уровень удовлетворенности жизнью, а не высокий уровень неравенства по доходам, которое статистически значимого влияния на темпы экономического роста в российских условиях не оказывает.

В условиях высокого социального неравенства при относительно низком по сравнению с мировыми лидерами уровне среднедушевых реальных доходов в российском обществе доминирует стремление к социальной стабильности и социальной защите, недостаточно выражено стремление к проявлению индивидуальной инициативы и инновационным преобразованиям. Значимость экологических факторов не осознается в полной мере.

Решение наиболее острых социальных проблем, преодоление бедности и сокращение неравенства, а также создание социальных лифтов, позволяющих испытывающим чувство неудовлетворенности жизнью реализовать свой потенциал в рамках активной трудовой и предпринимательской деятельности, позволит смягчить сформировавшиеся ограничения экономического роста и создать предпосылки для улучшения экологической ситуации.

Таблица 1

**Сводные индикаторы удовлетворенности жизнью российских граждан
в 1994–2018 гг.**

Table 1

Composite indicators of life satisfaction of Russian citizens in 1994–2018

Год	Индикатор sat_1	Индикатор sat_2
1994	2,297	0,146
1995	2,239	0,141
1996	2,165	0,121
1998	2,096	0,122
2000	2,412	0,186
2001	2,619	0,24
2002	2,892	0,34
2003	2,808	0,323
2004	2,938	0,369
2005	2,99	0,386
2006	2,962	0,381
2007	3,033	0,412
2008	3,087	0,441
2009	3,114	0,447
2010	3,173	0,468
2011	3,242	0,505
2012	3,311	0,529
2013	3,331	0,534
2014	3,317	0,522
2015	3,282	0,512
2016	3,265	0,5
2017	3,327	0,525
2018	3,299	0,512

Источник: расчеты автора по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения

Source: Authoring, based on the Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE survey data

Таблица 2

Результаты оценки зависимости показателей удовлетворенности жизнью в российских регионах от экономических, социальных и экологических факторов

Table 2

The results of estimation of the dependence of life satisfaction indicators in the Russian regions on economic, social, and environmental factors

Независимая переменная	Зависимая переменная sat_i	
	варианты значений	
Реальный ВРП на душу населения	–0,002 (0,001)	–0,002 (0,001)
Среднедушевые денежные доходы	0,001 (0,001)	0,001 (0,001)
Безработица	–0,039 (0,008)	–0,025 (0,007)
Индекс Джини	–2,045 (0,876)	–1,756 (0,817)
Доля бедных	–0,019 (0,006)	–0,009 (0,005)
Доля занятых с высшим образованием	–0,003 (0,004)	–0 (0,004)
Состояние воздуха	0,004 (0,011)	0,002 (0,01)
Состояние воды	0,003 (0,002)	0,001 (0,002)
Выбросы загрязнений в атмосферу	–0 (0)	0 (0)
Сброс сточных вод	0 (0)	–0 (0)
Доля зеленых насаждений	–0,001 (0,003)	–0 (0,003)
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F-статистика (p -значение)	0	–
χ^2 Вальда (p -значение)	–	0
Тест Хаусмана (p -значение)	–	0,003

Продолжение

Независимая переменная	Зависимая переменная sat_2	
	варианты значений	
Реальный ВРП на душу населения	–0,001 (0,001)	–0,001 (0,001)
Среднедушевые денежные доходы	0 (0)	0,001 (0)
Безработица	–0,014 (0,004)	–0,007 (0,003)
Индекс Джини	–1,084 (0,414)	–0,765 (0,386)
Доля бедных	–0,01 (0,003)	–0,004 (0,003)
Доля занятых с высшим образованием	–0,004 (0,002)	–0,001 (0,002)
Состояние воздуха	0 (0,005)	–0 (0,005)
Состояние воды	0,001 (0,002)	0 (0,001)
Выбросы загрязнений в атмосферу	–0 (0)	0 (0)
Сброс сточных вод	–0 (0)	–0 (0)
Доля зеленых насаждений	–0,002 (0,002)	–0,001 (0,001)
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F-статистика (p -значение)	0	–
χ^2 Вальда (p -значение)	–	0,03
Тест Хаусмана (p -значение)	–	0

Примечание. Зависимая переменная sat_1 : реальный ВРП на душу населения – коэффициент статистически значим на уровне 10%; безработица – на уровне 1%; индекс Джини – на уровне 5%; доля бедных – на уровне 1% (значение –0,019) и 10% (значение –0,009); F-статистика (p -значение) – на уровне 1%; χ^2 Вальда (p -значение) – на уровне 1%; тест Хаусмана (p -значение) – на уровне 1%. Зависимая переменная sat_2 : реальный ВРП на душу населения – коэффициент статистически значим на уровне 10%; безработица – на уровне 1% (значение –0,014) и 5% (значение –0,007); индекс Джини – на уровне 1% (значение –1,084) и 5% (значение –0,765); доля бедных – на уровне 1% (значение –0,01) и 10% (значение –0,004); доля занятых с высшим образованием – на уровне 10% (–0,004); F-статистика (p -значение) – на уровне 1%; χ^2 Вальда (p -значение) – на уровне 5%; тест Хаусмана (p -значение) – на уровне 1%. В скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты автора по данным Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения

Source: Authoring, based on the Rosstat and Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE survey data

Таблица 3

Результаты оценки влияния удовлетворенности жизнью на динамику экономического роста российских регионов

Table 3

The results of estimation of the impact of life satisfaction on the changes in the economic growth in Russian regions

Независимая переменная	Зависимая переменная (темпы прироста реального ВРП на душу населения)	
	варианты значений	
Логарифм реального ВРП на душу населения, лаг	–0,262 (0,044)	–0,054 (0,018)
sat_1 , лаг	–0,124 (0,058)	–0,046 (0,033)
sat_2 , лаг	–	–
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F-статистика (p-значение)	0	–
χ^2 Вальда (p-значение)	–	0,004
Тест Хаусмана (p-значение)	–	0

Продолжение

Независимая переменная	Зависимая переменная (темпы прироста реального ВРП на душу населения)	
	варианты значений	
Логарифм реального ВРП на душу населения, лаг	–0,268 (0,044)	–0,055 (0,018)
sat_1 , лаг	–	–
sat_2 , лаг	–0,285 (0,127)	–0,107 (0,071)
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F-статистика (p-значение)	0	–
χ^2 Вальда (p-значение)	–	0,003
Тест Хаусмана (p-значение)	–	0

Примечание. Логарифм реального ВРП на душу населения – коэффициент статистически значим на уровне 1%; sat_1 – на уровне 5% (значение –0,124); sat_2 – на уровне 5% (значение –0,285); F-статистика (p-значение) – на уровне 1%; χ^2 Вальда (p-значение) – на уровне 5%; тест Хаусмана (p-значение) – на уровне 1%. В скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты автора по данным Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения

Source: Authoring, based on the Rosstat and Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE survey data

Таблица 4

Результаты оценки влияния социального неравенства на динамику экономического роста российских регионов

Table 4

The results of estimation of the impact of social inequality on the changes in the economic growth in Russian regions

Независимая переменная	Зависимая переменная – темп прироста реального ВРП на душу населения	
	варианты значений	
Логарифм реального ВРП на душу населения, лаг	–0,266 (0,044)	–0,065 (0,021)
Индекс Джини	–0,628 (0,547)	0,33 (0,319)
sat_1 , лаг	–0,134 (0,059)	–0,05 (0,033)
sat_2 , лаг	–	–
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F -статистика (p -значение)	0	–
χ^2 Вальда (p -значение)	–	0,006
Тест Хаусмана (p -значение)	–	0

Продолжение

Независимая переменная	Зависимая переменная – темп прироста реального ВРП на душу населения	
	варианты значений	
Логарифм реального ВРП на душу населения, лаг	–0,273 (0,044)	–0,067 (0,021)
Индекс Джини	–0,591 (0,544)	0,359 (0,321)
sat_1 , лаг	–	–
sat_2 , лаг	–0,3 (0,127)	–0,119 (0,072)
Фиксированные эффекты регионов	да	нет
Случайные эффекты регионов	нет	да
Временные эффекты	да	да
F -статистика (p -значение)	0	–
χ^2 Вальда (p -значение)	–	0,006
Тест Хаусмана (p -значение)	–	0

Примечание. Логарифм реального ВРП на душу населения – коэффициент статистически значим на уровне 1%; sat_1 – на уровне 5% (значение –0,134); sat_2 – на уровне 5% (значение –0,3); на уровне 10% (значение –0,119); F -статистика (p -значение) – на уровне 1%; χ^2 Вальда (p -значение) – на уровне 5%; тест Хаусмана (p -значение) – на уровне 1%. В скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты автора по данным Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения

Source: Authoring, based on the Rosstat and Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE survey data

Список литературы

1. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Усачев Д.Г., Шустова М.Н. Генезис понятия «устойчивое развитие экономических систем различных иерархических уровней» // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. Т. 13. Вып. 48. С. 2–14.
URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=67750>
2. Любушин Н.Н., Бабичева Н.Э., Коньшиков А.С. Устойчивое развитие: оценка, анализ, прогнозирование // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. Вып. 12. С. 2392–2406.
URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2392>
3. Смирнов В.В. Определение условий устойчивого развития российской экономики // *Экономический анализ: теория и практика*. 2020. Т. 19. Вып. 11. С. 2093–2115. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.19.11.2093>
4. Тагаров Б.Ж. Факторы, влияющие на внедрение принципов устойчивого развития в развитых и развивающихся странах // *Экономические отношения*. 2021. Т. 11. Вып. 2. С. 425–438.
URL: <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112084>
5. Кислицына О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. Т. 15. Вып. 10. С. 28–38.
URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=69814>
6. Kromrey J.D., Rendina-Gobioff G. An Empirical Comparison of Regression Analysis Strategies with Discrete Ordinal Variables. *Multiple Linear Regression Viewpoints*, 2002, vol. 28, no. 2, pp. 30–43.
7. Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. How Important is Methodology for the Estimates of the Determinants of Happiness? *The Economic Journal*, 2004, vol. 114, iss. 497, pp. 641–659.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00235.x>
8. Newsom J.T. Basic Longitudinal Analysis Approaches for Continuous and Categorical Variables. In: J.T. Newsom, R.N. Jones, S.M. Hofer (Eds) *Longitudinal Data Analysis: A Practical Guide for Researches in Aging, Health and Social Sciences*. New York, Routledge; Taylor & Francis Group, 2012, pp. 143–179.

9. *Kristoffersen I.* The Metrics of Subjective Wellbeing Data: An Empirical Evaluation of the Ordinal and Cardinal Comparability of Life Satisfaction Scores. *Social Indicators Research*, 2017, vol. 130, iss. 2, pp. 845–865.
URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1200-6>
10. *Hagerty M.R., Veenhoven R.* Wealth and Happiness Revisited – Growing National Income Does Go with Greater Happiness. *Social Indicators Research*, 2003, vol. 64, iss. 1, pp. 1–27.
URL: <https://doi.org/10.1023/A:1024790530822>
11. *Easterlin R.A.* Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*, 2013, vol. 51, iss. 1, pp. 1–15.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>
12. *Easterlin R.A.* Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: *Nations and Households in Economic Growth. Essays in Honor of Moses Abramovitz.* Cambridge, Massachusetts, Academic Press, 1974, pp. 89–125.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>
13. *Cobb C., Halstead T., Rowe J.* If the GDP Is Up, Why Is America Down? *The Atlantic Monthly*, 1995, vol. 276, pp. 59–79. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1995/10/if-the-gdp-is-up-why-is-america-down/415605/>
14. *Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III.* The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, Universe Books, 1972, 205 p.
15. *Thoits P., Hannan M.* Income and Psychological Distress: The Impact of an Income-Maintenance Experiment. *Journal of Health and Social Behavior*, 1979, vol. 20, no. 2, pp. 120–138. URL: <https://doi.org/10.2307/2136434>
16. *Frey B.S., Stutzer A.* What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 2002, vol. 40, no. 2, pp. 402–435.
URL: <https://doi.org/10.1257/002205102320161320>
17. *Layard R., Mayraz G., Nickell S.* The Marginal Utility of Income. *Journal of Public Economics*, 2008, vol. 92, iss. 8–9, pp. 1846–1867.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2008.01.007>

18. Clark A.E., D'Ambrosio G., Ghislandi S. Adaptation to Poverty in Long-Run Panel Data. *The Review of Economics and Statistics*, 2016, vol. 98, iss. 3, pp. 591–600. URL: https://doi.org/10.1162/REST_a_00544
19. Clark A.E. Adaptation and the Easterlin Paradox. In: Tachibanaki T. (Ed.) *Advances in Happiness Research. Creative Economy*. Tokyo, Springer, 2016, pp. 75–94. URL: https://doi.org/10.1007/978-4-431-55753-1_6
20. Dillard J., Dujon V., King M.C. (Eds). *Understanding the Social Dimension of Sustainability*. New York, Routledge, 2008, 316 p.
21. Aksoy F., Arlı N.B. Evaluation of Sustainable Happiness with Sustainable Development Goals: Structural Equation Model Approach. *Sustainable Development*, 2020, vol. 28, iss. 1, pp. 385–392. URL: <https://doi.org/10.1002/sd.1985>
22. Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3. С. 146–160. URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-6>
23. Engelbrecht H.-J. Natural Capital, Subjective Well-Being, and the New Welfare Economics of Sustainability: Some Evidence from Cross-Country Regressions. *Ecological Economics*, 2009, vol. 69, iss. 2, pp. 380–388. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2009.08.011>
24. Bratman G.N., Hamilton J.P., Daily G.C. The Impacts of Nature Experience on Human Cognitive Function and Mental Health. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2012, vol. 1249, iss. 1, pp. 118–136. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2011.06400.x>
25. Russell R., Guerry A.D., Balvanera P. et al. Humans and Nature: How Knowing and Experiencing Nature Affect Well-Being. *Annual Review of Environment and Resources*, 2013, vol. 38, iss. 1, pp. 473–502. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-012312-110838>
26. Takano T., Nakamura K., Watanabe M. Urban Residential Environments and Senior Citizens' Longevity in Megacity Areas: The Importance of Walkable Green Spaces. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2002, vol. 56, iss. 12, pp. 913–918. URL: <https://doi.org/10.1136/jech.56.12.913>
27. Jardine A., Speldewinde P., Carver S., Weinstein P. Dryland Salinity and Ecosystem Distress Syndrome: Human Health Implications. *EcoHealth*, 2007, vol. 4, iss. 1, pp. 10–17. URL: <https://doi.org/10.1007/s10393-006-0078-9>

28. Speldewinde P.C., Cook A., Davies P., Weinstein P. The Hidden Health Burden of Environmental Degradation: Disease Comorbidities and Dryland Salinity. *EcoHealth*, 2011, vol. 8, iss. 1, pp. 82–92.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10393-011-0686-x>
29. Howell A.J., Dopko R.L., Passmore H.-A., Buro K. Nature Connectedness: Associations with Well-Being and Mindfulness. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51, iss. 2, pp. 166–171.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.03.037>
30. Mayer F.S., Frantz C.M. The Connectedness to Nature Scale: A Measure of Individuals' Feeling in Community with Nature. *Journal of Environmental Psychology*, 2004, vol. 24, iss. 4, pp. 503–515.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>
31. Zidanšek A. Sustainable Development and Happiness in Nations. *Energy*, 2007, vol. 32, iss. 6, pp. 891–897.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2006.09.016>
32. Ambrey C.L., Daniels P. Happiness and Footprints: Assessing the Relationship between Individual Well-Being and Carbon Footprints. *Environment, Development and Sustainability*, 2017, vol. 19, iss. 3, pp. 895–920. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-016-9771-1>
33. Lenzen M., Cummins R. Happiness versus the Environment – A Case Study of Australian Lifestyles. *Challenges*, 2013, vol. 4, iss. 1, pp. 56–74.
URL: <https://doi.org/10.3390/challe4010056>
34. Sameer Y.M., Elmassah S., Mertzanis Ch., El-Maghraby L. Are Happier Nations More Responsible? Examining the Link between Happiness and Sustainability. *Social Indicators Research*, 2021, vol. 158, iss. 1, pp. 267–295. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02698-4>
35. Cloutier S., Larson L., Jambeck J. Are Sustainable Cities “Happy” Cities? Associations between Sustainable Development and Human Well-Being in Urban Areas of the United States. *Environment, Development and Sustainability*, 2014, vol. 16, iss. 3, pp. 633–647.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-013-9499-0>
36. Gu L., Rosenberg M., Zeng J. Competing Forces of Socioeconomic Development and Environmental Degradation on Health and Happiness for Different Income Groups in China. *International Journal of Health*

Services, 2017, vol. 47, iss. 4, pp. 752–777.

URL: <https://doi.org/10.1177/0020731417725470>

37. Ларин А.В., Филясов С.В. Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 1. С. 59–83. URL: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>
38. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Социальное неравенство в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3. С. 179–184. URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-8>
39. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. Актуальность разработки национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства // Уровень жизни населения регионов России. 2020. № 2. С. 9–24. URL: <https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1>
40. Аганбегян А.Г. Размышления над страницами аналитического доклада «Застой-2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики» // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 4. С. 198–215. URL: <https://ecpolicy.ru/home/archive/2021/433568/#433567>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Sustainable Development of Regions

THE IMPACT OF ECONOMIC, SOCIAL AND ENVIRONMENTAL FACTORS ON LIFE SATISFACTION IN THE RUSSIAN REGIONS

Roman M. MEL'NIKOV

Institute of Public Administration and Civil Service,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(IPACS RANEPa),
Moscow, Russian Federation
rmmel@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6335-2458>

Article history:

Article No. 552/2021
Received 11 Oct 2021
Received in revised
form 22 Dec 2021
Accepted 27 Jan 2022
Available online
15 March 2022

JEL classification:

I31, Q01, R11

Keywords: subjective well-being, sustainable development, regional development, life satisfaction, social inequality

Abstract

Subject. This article examines the relationship between subjective well-being and economic, social and environmental factors that determine the level of such well-being.

Objectives. The article aims to assess satisfaction with the quality of life in the regions of Russia.

Methods. For the study, I used regression analysis of panel data for the regions of Russia, applying fixed- and random-effects models.

Results. The article finds that social factors have the greatest impact on the level of life satisfaction of residents of Russian regions. Rising per capita cash incomes and environmental factors do not have a statistically significant impact on life satisfaction.

Conclusions. Solving the most acute social problems, overcoming poverty, reducing inequality, and creating means of social mobility will help mitigate the existing restrictions on economic growth and create prerequisites for improving the environmental situation.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Mel'nikov R.M. The Impact of Economic, Social and Environmental Factors on Life Satisfaction in the Russian Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 3, pp. 424–450.

<https://doi.org/10.24891/re.20.3.424>

References

1. Lyubushin N.P., Babicheva N.E., Usachev D.G., Shustova M.N. [Genesis of the concept of sustainable development of economic systems of various hierarchical levels]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2015, vol. 13, iss. 48, pp. 2–14.
URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=67750> (In Russ.)
2. Lyubushin N.P., Babicheva N.E., Konyshkov A.S. [Sustainable development: Evaluation, analysis, forecasting]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika =*

- Economic Analysis: Theory and Practice*, 2017, vol. 16, iss. 12, pp. 2392–2406. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.16.12.2392>
3. Smirnov V.V. [Determining the conditions for sustainable development of the Russian economy]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2020, vol. 19, iss. 11, pp. 2093–2115. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ea.19.11.2093>
 4. Tagarov B.Zh. [Factors influencing the sustainable development principles in developed and developing countries]. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of International Economic Affairs*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 425–438. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112084>
 5. Kislitsyna O.A. [Approaches to measure the progress and quality of life (well-being)]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2016, vol. 15, iss. 10, pp. 28–38. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/detail.php?ID=69814> (In Russ.)
 6. Kromrey J.D., Rendina-Gobioff G. An Empirical Comparison of Regression Analysis Strategies with Discrete Ordinal Variables. *Multiple Linear Regression Viewpoints*, 2002, vol. 28, no. 2, pp. 30–43.
 7. Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. How Important is Methodology for the Estimates of the Determinants of Happiness? *The Economic Journal*, 2004, vol. 114, iss. 497, pp. 641–659. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00235.x>
 8. Newsom J.T. Basic Longitudinal Analysis Approaches for Continuous and Categorical Variables. In: J.T. Newsom, R.N. Jones, S.M. Hofer (Eds) *Longitudinal Data Analysis: A Practical Guide for Researches in Aging, Health and Social Sciences*. New York, Routledge; Taylor & Francis Group, 2012, pp. 143–179.
 9. Kristoffersen I. The Metrics of Subjective Wellbeing Data: An Empirical Evaluation of the Ordinal and Cardinal Comparability of Life Satisfaction Scores. *Social Indicators Research*, 2017, vol. 130, iss. 2, pp. 845–865. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1200-6>
 10. Hagerty M.R., Veenhoven R. Wealth and Happiness Revisited – Growing National Income Does Go with Greater Happiness. *Social Indicators Research*, 2003, vol. 64, iss. 1, pp. 1–27. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1024790530822>

11. Easterlin R.A. Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*, 2013, vol. 51, iss. 1, pp. 1–15.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>
12. Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In: *Nations and Households in Economic Growth. Essays in Honor of Moses Abramovitz*. Cambridge, Massachusetts, Academic Press, 1974, pp. 89–125.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>
13. Cobb C., Halstead T., Rowe J. If the GDP Is Up, Why Is America Down? *The Atlantic Monthly*, 1995, vol. 276, pp. 59–79.
URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1995/10/if-the-gdp-is-up-why-is-america-down/415605/>
14. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. III. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York, Universe Books, 1972, 205 p.
15. Thoits P., Hannan M. Income and Psychological Distress: The Impact of an Income-Maintenance Experiment. *Journal of Health and Social Behavior*, 1979, vol. 20, no. 2, pp. 120–138. URL: <https://doi.org/10.2307/2136434>
16. Frey B.S., Stutzer A. What Can Economists Learn from Happiness Research? *Journal of Economic Literature*, 2002, vol. 40, no. 2, pp. 402–435.
URL: <https://doi.org/10.1257/002205102320161320>
17. Layard R., Mayraz G., Nickell S. The Marginal Utility of Income. *Journal of Public Economics*, 2008, vol. 92, iss. 8–9, pp. 1846–1867.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2008.01.007>
18. Clark A.E., D'Ambrosio G., Ghislandi S. Adaptation to Poverty in Long-Run Panel Data. *The Review of Economics and Statistics*, 2016, vol. 98, iss. 3, pp. 591–600. URL: https://doi.org/10.1162/REST_a_00544
19. Clark A.E. Adaptation and the Easterlin Paradox. In: Tachibanaki T. (Ed.) *Advances in Happiness Research. Creative Economy*. Tokyo, Springer, 2016, pp. 75–94. URL: https://doi.org/10.1007/978-4-431-55753-1_6
20. Dillard J., Dujon V., King M.C. (Eds). *Understanding the Social Dimension of Sustainability*. New York, Routledge, 2008, 316 p.

21. Aksoy F., Arlı N.B. Evaluation of Sustainable Happiness with Sustainable Development Goals: Structural Equation Model Approach. *Sustainable Development*, 2020, vol. 28, iss. 1, pp. 385–392.
URL: <https://doi.org/10.1002/sd.1985>
22. Jomo K.S., Popov V.V. [Long-term trends in income distribution]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* = *Journal of the New Economic Association*, 2016, no. 3, pp. 146–160. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-6>
23. Engelbrecht H.-J. Natural Capital, Subjective Well-Being, and the New Welfare Economics of Sustainability: Some Evidence from Cross-Country Regressions. *Ecological Economics*, 2009, vol. 69, iss. 2, pp. 380–388.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2009.08.011>
24. Bratman G.N., Hamilton J.P., Daily G.C. The Impacts of Nature Experience on Human Cognitive Function and Mental Health. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2012, vol. 1249, iss. 1, pp. 118–136.
URL: <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2011.06400.x>
25. Russell R., Guerry A.D., Balvanera P. et al. Humans and Nature: How Knowing and Experiencing Nature Affect Well-Being. *Annual Review of Environment and Resources*, 2013, vol. 38, iss. 1, pp. 473–502.
URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-012312-110838>
26. Takano T., Nakamura K., Watanabe M. Urban Residential Environments and Senior Citizens' Longevity in Megacity Areas: The Importance of Walkable Green Spaces. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2002, vol. 56, iss. 12, pp. 913–918. URL: <https://doi.org/10.1136/jech.56.12.913>
27. Jardine A., Speldewinde P., Carver S., Weinstein P. Dryland Salinity and Ecosystem Distress Syndrome: Human Health Implications. *EcoHealth*, 2007, vol. 4, iss. 1, pp. 10–17. URL: <https://doi.org/10.1007/s10393-006-0078-9>
28. Speldewinde P.C., Cook A., Davies P., Weinstein P. The Hidden Health Burden of Environmental Degradation: Disease Comorbidities and Dryland Salinity. *EcoHealth*, 2011, vol. 8, iss. 1, pp. 82–92.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10393-011-0686-x>
29. Howell A.J., Dopko R.L., Passmore H.-A., Buro K. Nature Connectedness: Associations with Well-Being and Mindfulness. *Personality and Individual Differences*, 2011, vol. 51, iss. 2, pp. 166–171.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.03.037>

30. Mayer F.S., Frantz C.M. The Connectedness to Nature Scale: A Measure of Individuals' Feeling in Community with Nature. *Journal of Environmental Psychology*, 2004, vol. 24, iss. 4, pp. 503–515.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>
31. Zidanšek A. Sustainable Development and Happiness in Nations. *Energy*, 2007, vol. 32, iss. 6, pp. 891–897.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2006.09.016>
32. Ambrey C.L., Daniels P. Happiness and Footprints: Assessing the Relationship between Individual Well-Being and Carbon Footprints. *Environment, Development and Sustainability*, 2017, vol. 19, iss. 3, pp. 895–920. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-016-9771-1>
33. Lenzen M., Cummins R. Happiness versus the Environment – A Case Study of Australian Lifestyles. *Challenges*, 2013, vol. 4, iss. 1, pp. 56–74.
URL: <https://doi.org/10.3390/challe4010056>
34. Sameer Y.M., Elmassah S., Mertzanis Ch., El-Maghraby L. Are Happier Nations More Responsible? Examining the Link between Happiness and Sustainability. *Social Indicators Research*, 2021, vol. 158, iss. 1, pp. 267–295. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02698-4>
35. Cloutier S., Larson L., Jambeck J. Are Sustainable Cities “Happy” Cities? Associations between Sustainable Development and Human Well-Being in Urban Areas of the United States. *Environment, Development and Sustainability*, 2014, vol. 16, iss. 3, pp. 633–647.
URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-013-9499-0>
36. Gu L., Rosenberg M., Zeng J. Competing Forces of Socioeconomic Development and Environmental Degradation on Health and Happiness for Different Income Groups in China. *International Journal of Health Services*, 2017, vol. 47, iss. 4, pp. 752–777.
URL: <https://doi.org/10.1177/0020731417725470>
37. Larin A.V., Filyasov S.V. [Adaptation and the Easterlin paradox in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Higher School of Economics Economic Journal*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 59–83. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>
38. Bobkov V.N., Odintsova E.V. [Social inequality in Russia]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*,

2020, no. 3, pp. 179–184. (In Russ.)

URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-8>

39. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Bobkov N.V. [Relevance of developing a national Programme to increase income, reduce poverty and inequality]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 9–24. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1>
40. Aganbegyan A.G. [Reflections on the analytical report “Stagnation 2: consequences, risks and alternatives for the Russian economy”]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 198–215. URL: <https://ecpolicy.ru/home/archive/2021/433568/#433567>
(In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.